

МИРА ЛИНЧ

ЗАПРЕТНЫЙ
ПЛОД

Мира Линч

Запретный плод

«Литнет»

2026

Линч М.

Запретный плод / М. Линч — «Литнет», 2026

В саду богини растут плоды, дарующие бессмертие. Она — его вечная хранительница. Он — посланник тьмы, пришедший украсть самый ценный из них. Но одно прикосновение меняет всё. Магия сада открывает им не будущее, а самое сокровенное желание их сердец — друг друга. Теперь они нарушили древний запрет, и цена ошибки может оказаться слишком высокой. Между светом и тьмой, долгом и страстью им предстоит сделать невозможный выбор. Потому что иногда один поцелуй стоит дороже вечности.

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Сад вечности	5
Глава 2. Тот, кого послала тьма	9
Глава 3. Прикосновение запретного	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1. Сад вечности

Сад жил. Он дышал медленно и глубоко, как спящее божество, и каждый его вздох был наполнен ароматами, которые не могли родиться в обычном мире. Здесь пахло не росой и цветами — здесь пахло временем. Тягучий, сладковатый запах спелых звёзд, осевших на ветвях, переплетался с горьковатой свежестью утренней прохлады, которая никогда не переходила в дневной зной. Вечность имела собственный аромат, и Лиара знала его до мельчайших оттенков. Она могла бы различить, где упал лист, просто приняв его к воздуху, и сказать, сколько эпох прошло с момента его падения.

Она шла по мраморной дорожке, выложенной ещё в те времена, когда боги спускались на землю, чтобы поспорить с людьми о силе желаний. Её босые ступни чувствовали прохладный, отполированный бесчисленными шагами камень, но сейчас она не думала о ногах. Она смотрела на деревья. Золотые стволы, словно застывшие потоки солнечного света, уходили высоко в небо, теряясь в дымке фиолетового тумана, который служил здесь вместо облаков. Листья переливались всеми оттенками изумруда, и в каждом из них, если присмотреться, можно было увидеть крошечную искру — частицу той самой магии, что питала этот сад. А плоды... плоды были похожи на маленькие запёртые солнца. Они висели на ветвях, чуть заметно пульсируя, и в их гладкой, прохладной коже отражались желания тех, кто проходил мимо. Иногда, если посмотреть слишком пристально, в глубине плода можно было увидеть собственное лицо, но не таким, какое оно есть сейчас, а таким, каким оно могло бы стать через сотни, тысячи лет.

Лиара остановилась у самого старого дерева. Его корни оплетали постамент, на котором когда-то стояла статуя богини, но статуя была разрушена, а богиня больше не приходила в сад. Лиара слышала её голос только в самые тихие ночи, когда ветер стихал и мир замирал; тогда шелест листьев вдруг начинал звучать как слова на древнем языке, который знала одна лишь Лиара. Богиня говорила с ней, но редко, и её речи были подобны снам: они исчезали, оставляя лишь смутное ощущение важности и лёгкую тоску.

— Долг превыше всего, — прошептала Лиара, повторяя давно заученную истину, но в её голосе не было убеждённости.

Она провела пальцами по коре, ощущая, как живительная сила течёт сквозь дерево, проникая в её собственную плоть. Тысячи лет она была здесь. Тысячи лет она видела, как приходили и уходили просители — смертные, боги, полубоги, тени и сущности, — и каждому из них она протягивала плод, если тот был достоин. Она не решала, кто достоин; это решала магия сада. Она лишь была проводником, посредником, немой свидетельницей чужих надежд на бессмертие. И ни разу за все эти столетия она не позавидовала им. Почему? Она сама не знала ответа. Возможно, потому, что видела в глазах каждого, кто касался заветного плода, не только радость, но и страх. Страх перед бесконечностью, которая ждала их впереди. Вечность — это не дар, это клетка, которую ты носишь в себе. Клетка, где время теряет смысл, и остаётся лишь одна обязанность: жить.

Но в последние десятилетия — или века, она сбилась со счёта — в ней зарождалось нечто странное. Это было похоже на тонкую трещину в идеальной глади озера. Она не могла объяснить это словами, потому что для чувств, которые она испытывала, ещё не было создано языка. Это было не одиночество, нет. Она никогда не была одинока: вокруг неё всегда был сад, и он разговаривал с ней на языке ветра и света. Это было что-то другое. Слабое, почти неразличимое желание... изменить. Не плоды, не законы, не судьбы просителей. Изменить саму себя. Превратиться из бессмертной стражи в женщину, которая может упасть, споткнуться о корень, засмеяться так громко, чтобы её смех разбудил всех птиц, и заплакать от простой боли, а не от абстрактной тоски по чему-то неведомому.

Лиара глубоко вздохнула и отдернула руку от ствола. Ей показалось, что дерево ответило ей — лёгким, почти незаметным трепетом, но она отогнала эту мысль. Нет, ей нельзя думать о таких вещах. Она — страж. Она — не человек. Она — продолжение этого сада, его глаза и руки, его голос. Если она позволит себе чувствовать слишком сильно, она может нарушить равновесие. А нарушенное равновесие в месте, где хранятся плоды вечной жизни, может привести к последствиям, о которых даже боги старались не вспоминать.

Она прошла дальше, к центральной поляне. Здесь росло единственное дерево, которое отличалось от всех остальных. Оно было не золотым, а серебряным, и его плоды — их было всего три — висели на ветках, словно капли ртути, переливаясь в неверном свете сада. Это были плоды, которых никто никогда не касался. Даже богиня не решалась прикоснуться к ним. Говорили, что в них заключена не просто сила, а сама суть желаний, чистая, неискажённая и потому смертельно опасная. Тот, кто съест такой плод, получит не бессмертие, а способность исполнять любую свою мечту — но плата за это будет так велика, что никто не осмеливался представить её масштабы.

Лиара стояла перед серебряным деревом, и ветер играл с её длинными, светлыми волосами, словно серебристый шёлк. Её глаза — цвета рассветного неба, которые видели рождение и гибель целых цивилизаций — смотрели на ближайший плод, и в глубине зрачков на мгновение мелькнул какой-то огонёк. Она не хотела его. Она не хотела власти или божественной силы. Она хотела... чего-то такого простого и такого невозможного, что у неё перехватило дыхание. Она хотела, чтобы её кто-то коснулся. Не как стражницы, не как божественного существа, а просто так. Чтобы кто-то взял её за руку и сказал: «Я вижу тебя. Не хранительницу, не проводницу, а тебя».

Но в саду не было никого, кроме неё. Никогда.

Она отвернулась от серебряного дерева и направилась к своему любимому месту — небольшому каменному выступу, нависающему над ручьём, который струился между корнями, словно жидкий свет. Она села, поджав под себя ноги, и опустила руки в воду. Вода была тёплой, почти живой; она перебирала её пальцы, как нежная ткань. Лиара закрыла глаза и позволила себе просто быть. Не думать о долге, не прислушиваться к шороху сада, не подсчитывать урожай. Просто чувствовать течение мгновения.

Она не знала, сколько прошло времени. Возможно, час. Возможно, целый день. Но когда она открыла глаза, сад вокруг неё изменился. И это было так необычно, что по её спине пробежал холодок. Ветви деревьев, которые всегда тянулись вверх, к свету, теперь склонились вниз, словно что-то тяжёлое давило на них. Листья, ещё мгновение назад сиявшие изумрудом, стали тускнеть, и их края начали сворачиваться внутрь, как будто они пытались защититься от холода. Но холода не было. Было что-то другое — чужое присутствие, чуждое этому месту, как чёрная чернильная капля в кубке с жидкой луной.

Лиара встала. Её сердце — оно всё ещё умело биться, несмотря на бессмертие — застучало быстрее. Она подняла руку, и из её пальцев вырвался мягкий, золотистый свет, который разлился вокруг неё, как вода. Это была её сила — сила хранительницы, которая могла видеть сквозь маски и иллюзии.

— Кто здесь? — спросила она, и её голос прозвучал неожиданно громко в тишине сада. Обычно она говорила шёпотом, но сейчас в нём слышалась сталь. — Выходи. Тебе не спрятаться от меня.

В ответ — тишина. Но Лиара знала, что она не ошиблась. С каждым мгновением сад реагировал всё сильнее. Трава под её ногами начала чернеть, словно её выжигали невидимым огнём. Птицы, которые никогда не покидали сада, вдруг сорвались с веток и, пронзительно крича, улетели прочь — туда, где граница сада встречалась с пустотой.

И тогда она увидела его. Тень, которая двигалась между деревьев, не касаясь земли. Она была похожа на сгусток ночного тумана, в котором угадывались очертания человека. Она приближалась. Не к плодам, не к центральному алтарю, а к ней. К Лиаре.

Она сжала кулаки, и свет вокруг неё стал ярче, почти ослепительным.

— Ты не должен быть здесь. Это запретное место. Уходи, пока богиня не проснулась.

Тень остановилась. А затем, словно кто-то сдул с неё покрывало, тьма рассеялась, и перед Лиарой предстал мужчина. Она никогда не видела таких лиц. Острые скулы, тёмные, почти чёрные глаза, в которых горели отблески далёких пожаров, и губы, которые, казалось, никогда не знали улыбки. Он был одет в чёрное, как сама ночь, и от него веяло холодом — таким пронзительным, что Лиаре показалось, будто она стоит на вершине самой высокой горы мира.

Но самое странное было не в его облике. Самое странное было в том, что, когда он поднял на неё глаза, её сад вздрогнул. И не от страха. Он вздрогнул от... узнавания? Словно где-то в глубине веков они уже встречались. Словно его приход был предопределён задолго до того, как первые плоды созрели на ветвях.

— Кто ты? — спросила Лиара, и её голос дрогнул. Почему-то свет в её руке погас, и она не могла заставить его зажечься снова.

Мужчина сделал шаг вперёд. Его голос был низким, хрипловатым, словно он долго не говорил или привык говорить шёпотом.

— Меня зовут Кайр. И я пришёл за тем, что принадлежит мне.

Его взгляд упал на серебряное дерево, и Лиара почувствовала, как внутри неё всё обвалилось. За мгновение до этого она хотела, чтобы её кто-то коснулся, чтобы кто-то увидел её настоящую. Но теперь, когда этот человек стоял перед ней, она поняла: он не пришёл ради неё. Он пришёл ради плода. Ради того самого, сокровенного, запретного.

— Тебе не позволено, — сказала она, пытаясь вернуть властность в свой голос, но в нём слышалась только мольба. — Ты не знаешь, что делаешь.

Кайр усмехнулся — горькой, безрадостной усмешкой.

— Я знаю только одно, хранительница. Тьма, которая меня послала, не прощает отказа. Если я уйду с пустыми руками, она поглотит не только меня, но и всё, что мне дорого. А это, поверь, немало.

Он сделал ещё один шаг, и теперь между ними было всего несколько локтей. Лиара могла видеть каждую морщинку у его глаз, каждый шрам на его руках — следы битв, о которых она не хотела даже думать. Она видела его боль. Но она также видела его решимость. И это испугало её больше всего.

— Пожалуйста, — прошептала она, не зная, зачем она это говорит. Она никогда не просила. Она никогда не умоляла. Но сейчас её губы сами сложились в эти слова. — Не делай этого. Если ты тронешь плод, сад может погибнуть. А вместе с ним... всё.

Кайр остановился. Он смотрел на неё так пристально, что Лиара почувствовала себя обнажённой. И в его взгляде, помимо тьмы, она заметила что-то ещё. Что-то похожее на удивление. На интерес. На отблеск того самого, невыразимого, что она искала вечность.

— Ты боишься, — сказал он, и это не был вопрос. Это было утверждение. — Но ты боишься не за сад. Ты боишься за себя.

Она хотела возразить, но не смогла. Потому что он был прав. Она боялась не того, что он разрушит святое место. Она боялась, что, если он коснётся плода, она потеряет нечто большее, чем вечность. Она потеряет шанс, который только что заметила в его глазах.

Он протянул руку к дереву. Лиара рванулась вперёд, чтобы остановить его, но её ноги словно приросли к земле, и она упала, запутавшись в подоле длинного платья. В тот же миг Кайр обернулся, и инстинктивно — не думая, не планируя — он протянул ей руку, чтобы помочь встать.

Их пальцы встретились.

Это было мгновение, когда время перестало существовать. Сначала Лиара почувствовала холод его кожи, такой резкий, что у неё перехватило дыхание. Но затем холод сменился чем-то невероятным. Волна магии, которую она никогда не испытывала раньше, хлынула из его руки в её тело, и в тот же миг сад взорвался светом. Ветви деревьев засияли тысячами огней, словно на них зажглись все звёзды вселенной. Трава под ними вспыхнула золотом, а воздух наполнился мелодичным звоном, который звучал одновременно и как плач, и как смех.

Перед их глазами возникли видения. Лиара увидела себя — не ту, что стоит здесь, а ту, что могла бы быть. Она видела, как она смеётся в объятиях этого мужчины, как они бегут по полю, которое не принадлежит ни свету, ни тьме, как он целует её лоб, пока над ними кружатся звёзды, осыпаясь дождём искр. Она видела своё счастье — такое яркое, такое настоящее, что у неё потекли слёзы по щекам.

А Кайр увидел то, что он давно забыл. Он увидел себя без оков, без долга, без приказов. Он увидел, как он лежит на траве, и она — эта странная, светлая женщина — гладит его по волосам, и в её глазах нет страха. Есть только любовь. Чистая, безоговорочная, которая не требует платы.

Видение исчезло так же внезапно, как и возникло. Они стояли, всё ещё касаясь друг друга, и смотрели в глаза. Лиара не могла дышать. Она чувствовала, как её сердце бьётся в унисон с его сердцем, словно они были двумя половинами одного целого.

— Что это было? — прошептал Кайр, и в его голосе не было уверенности. Был только вопрос.

Лиара покачала головой, не в силах говорить. Она знала, что это означало. Магия сада никогда не показывала будущее. Она показывала только желание. А то, что они только что видели, было их общим желанием. И это нарушало все законы, которые она знала. Это означало, что их души соприкоснулись. И этот контакт был опаснее любого плода.

Но прежде чем она успела произнести хоть слово, ветер переменялся. Сад застонал, словно огромное раненое животное, и в небе над ними разразился гром — не обычный, а тот, что звучал только тогда, когда богиня гневалась.

Лиара подняла голову. Тучи, которых никогда не было в этом вечном небе, начали собираться над ними, и в их глубине она увидела лицо — прекрасное, холодное, безжалостное. Богиня проснулась. И она видела всё.

— Ты нарушила закон, хранительница, — раздался голос, который звучал внутри головы Лиары. — Ты коснулась того, кто пришёл с тьмой. Ты дала ему часть себя. И теперь вы оба должны заплатить цену.

Кайр сжал её руку сильнее, и Лиара почувствовала, как его страх смешивается с её собственным. Но вместе с этим страхом она ощутила нечто другое — решимость. Она не знала, что будет дальше. Она не знала, сможет ли она выжить после гнева богини. Но она знала одно: она не хотела отпускать его руку. Никогда.

— Мы справимся, — прошептал Кайр, и его голос был похож на клятву. — Я обещаю тебе.

Лиара посмотрела на него. И впервые за тысячелетия она улыбнулась — не как хранительница, а как женщина, которая только что нашла то, что искала всю свою вечность.

— Я верю тебе, — ответила она.

И в этот момент мир вокруг них рухнул.

Глава 2. Тот, кого послала тьма

Он никогда не знал, как выглядит рассвет. В землях, где он родился и вырос, солнце не вставало — оно лишь слегка светлело за горизонтом, словно кто-то приподнимал край тяжёлого бархатного полога, но не решался отдернуть его до конца. Небо там было цвета старой меди, а воздух пах гарью и сыростью, и этот запах вьелся в его лёгкие так глубоко, что Кайр уже не представлял, каково это — дышать иначе. Он привык к вечному сумраку, к теням, которые двигались сами по себе, к голосам, которые шептали в пустоте, обещая силу за преданность. Он привык к тому, что его жизнь не принадлежит ему, что каждое его движение — это лишь исполнение чужой воли, чужого замысла, чужого голода.

Но сейчас, стоя на краю пропасти, отделяющей земли тьмы от священного сада, он впервые за долгие годы почувствовал нечто, похожее на сомнение. Это чувство было чуждым, почти болезненным, оно скреблось где-то под рёбрами, как загнанный зверь, и он не знал, как с ним справиться.

— Ты колеблешься, — раздался голос за его спиной. Голос, который он ненавидел больше всего на свете, но который никогда не мог послушаться. — Это не похоже на тебя, Кайр. Где та стальная воля, за которую я выбрал тебя?

Кайр не обернулся. Он знал, что позади него стоит не человек — всего лишь тень, посланник владыки тьмы, бестелесный сгусток злобы, который мог менять облик, но не мог изменить своей сути. Он называл себя Морок, и его голос звучал как скрежет ржавых цепей. Кайр ненавидел этот голос, но он привык подчиняться ему, потому что за каждым неподчинением следовала боль — острая, пронизывающая, от которой невозможно было укрыться даже в самых глубоких снах.

— Я не колеблюсь, — ответил Кайр, и его голос прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я оцениваю путь. Сад охраняется не просто иллюзиями. Я должен знать, куда ступить.

Морок засмеялся — сухой, каркающий смех, от которого по коже бежали мурашки.

— Ты боишься какой-то хранильницы? Женщины, которая никогда не видела битвы, которая растила цветы, пока мы сражались за право существовать? Она даже не знает, что такое настоящая боль.

Кайр сжал зубы. Он знал, что Морок прав в одном: хранильница сада, о которой они говорили, действительно была существом не от мира сего. Её называли Лиарой, и легенды о ней доходили до самых тёмных уголков земли. Говорили, что она прекрасна, как утренняя заря, но холодна, как вечный лёд. Говорили, что её прикосновение может подарить вечность или отнять её. Говорили, что она не знает страха и не ведает жалости. Но Кайр не верил этим рассказам. Он слишком хорошо знал, как легенды искажают истину. Он сам был легендой — оружием тьмы, бесстрашным воином, который не знает пощады, — но внутри него, глубоко в душе, жил человек, который когда-то мечтал о другом. О доме. О тепле. О руке, которую можно сжать в своей и не бояться, что она превратится в пепел.

— Она не просто хранильница, — тихо сказал Кайр. — Она — часть сада. Её сила связана с деревьями. Если я попытаюсь взять плод силой, сад уничтожит меня раньше, чем я сделаю шаг.

— Поэтому ты должен быть умным, — прошипел Морок. — Используй то, что тебе дано. Ты не просто воин. Ты — маг. Ты умеешь убеждать, соблазнять, обманывать. Сделай так, чтобы она сама отдала тебе плод. Или хотя бы не мешала.

Кайр наконец обернулся. Он посмотрел на чёрную тень, которая колыхалась перед ним, принимая очертания высокого худого человека с горящими красными глазами. В этих глазах не было ничего, кроме пустоты и голода, и Кайр знал, что Морок не способен понять то, что сейчас рождалось в его собственной груди.

— А если я не смогу? — спросил он, и его голос прозвучал тихо, почти заговорщицки.
— Что тогда?

Морок наклонил голову, и его улыбка стала ещё шире.

— Тогда владыка найдёт другой способ. Но ты, Кайр, заплатишь за свою несостоятельность. Ты знаешь цену. Ты нёс её на своих плечах с тех пор, как тебя привели к нам, полумёртвого, истекающего кровью, и предложили выбор: умереть или служить. Ты выбрал служить. И теперь ты не имеешь права отступить.

Кайр отвернулся. Он помнил тот день. Помнил, как его собственный народ предал его, оставив умирать в пустоши, где не было ни воды, ни надежды. Помнил, как тьма нашла его и предложила спасение — за кусок его души, который она вырвала и спрятала в своём логове, чтобы он никогда не мог убежать. С тех пор он был привязан к этому миру теней незримыми цепями, и каждое его действие контролировалось извне. Он убивал, когда ему приказывали. Он крал, когда это было нужно. Он становился тем, кем его хотели видеть, потому что иначе боль разрывала его изнутри.

Но сейчас, глядя на переливающуюся завесу, за которой начинался сад вечности, он вдруг подумал: а что, если всё это — ошибка? Что, если он может не просто украсть плод, а найти что-то другое? Что-то, что вернёт ему его самого?

— Я сделаю это, — сказал он, и его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. — Но я сделаю это по-своему.

Морок не стал возражать. Он просто исчез, оставив после себя лишь холодное дуновение ветра, и Кайр остался один на краю реальности. Он поднял руку, и в его ладони замерцал тёмный свет — магия, которая питалась его болью и его страхом. Он начал плести заклинание, которое должно было сделать его невидимым для глаз сада, но когда он коснулся магической границы, он почувствовал странное сопротивление. Это было не обычное заклинание защиты. Это было что-то живое, что-то, что дышало и пульсировало, и оно узнало его. Не как врага, а как... пришельца, которого ждали.

Кайр нахмурился. За все годы службы тьме он никогда не встречал такой реакции. Магия сада как будто приглашала его войти, хотя её законы должны были оттолкнуть его. Но он не стал размышлять об этом слишком долго. Время поджимало, и он знал, что Морок наблюдает за ним даже сейчас. Он шагнул вперёд, и завеса расступилась перед ним, как вода перед плывущим.

Сад открылся ему во всей своей красоте. Он ожидал увидеть что-то холодное и величественное, как дворец богов, но вместо этого он попал в мир, который казался живым и тёплым. Воздух был наполнен ароматами, от которых у него закружилась голова: сладкие ноты спелых фруктов переплетались с горьковатым запахом мха, а вдалеке слышался тихий перезвон — словно звенели хрустальные колокольчики. Деревья сияли золотом, и их листья шелестели, словно шептали ему что-то на языке, который он почти понимал, но не мог уловить.

Но всё это меркло перед тем, что он увидел в центре. Серебряное дерево. Высокое, изящное, оно возвышалось над всеми остальными, и на его ветвях висели три плода, похожие на капли застывшей ртути. Они пульсировали в такт с его сердцем, и Кайр почувствовал, как что-то внутри него откликается на их зов. Это было опасно. Он знал, что если он позволит себе поддаться этому зову, он потеряет контроль, а потеря контроля в этом месте означала смерть.

Он начал двигаться между деревьями, стараясь ступать бесшумно. Его тёмные одежды сливались с тенями, которые отбрасывали золотые стволы, и он чувствовал, как его магия прячет его от взглядов сада. Но чем ближе он подходил к центру, тем сильнее становилось ощущение, что он не один. Кто-то следил за ним. Кто-то дышал в такт с его дыханием, и этот кто-то не был частью сада.

Он остановился за толстым стволом старого дуба и выглянул. И тогда он увидел её. Лиару.

Она сидела на каменном выступе у ручья, и она была не похожа ни на одну женщину, которую он когда-либо встречал. Её волосы струились серебряным водопадом по плечам, и в них запутались маленькие искры, словно звёзды задержались в её локонах. Её платье было соткано из света, оно переливалось всеми оттенками рассвета, и её босые ступни касались воды, которая играла у её ног, как ласковый зверь. Она смотрела куда-то вдаль, и её глаза — небесно-голубые, с глубокими тенями под ними — казались бездонными. В них была тоска. Такая древняя и такая тягучая, что у Кайра перехватило дыхание.

Она была прекрасна. Но она была также опасна. Он чувствовал исходящую от неё силу — волны магии, которые расходились от её тела, как круги по воде. Каждый её вздох питал деревья, каждое её движение изменяло свет вокруг неё. Она была частью сада, его сердцем, его душой, и если бы он попытался напасть на неё, сад ответил бы ему всей своей мощью.

Но он не хотел нападать. Глядя на неё, Кайр вдруг понял, что его задание внезапно стало не таким простым. Он не мог просто обмануть её. Она не была наивной глупышкой, которая верит в сказки. Она была существом, которое видело века, которое знало цену каждому слову и каждому жесту. И, несмотря на это, в ней было что-то трогательное, почти уязвимое — какая-то незащищённость, которую она старалась спрятать за маской спокойствия.

Он не знал, сколько он простоял так, наблюдая за ней. Время в саду текло иначе, и он потерял ему счёт. Но когда она закрыла глаза и опустила руки в воду, он понял, что это его момент. Сейчас он мог подкрасться к серебряному дереву и взять плод, пока она не видит.

Он двинулся в обход, стараясь не шуметь. Его сердце колотилось в груди, но он заглушал его стук, заставляя своё тело двигаться плавно и бесшумно, как хищник. Он почти добрался до дерева, когда почувствовал, что сад начал меняться. Листья потемнели, ветви поникли, и в воздухе повисла тревога. Что-то пошло не так.

Он взглянул на Лиару. Она открыла глаза, и её взгляд был острым, как клинок. Она встала, и свет в её руке засиял так ярко, что Кайру пришлось прищуриться. Она произнесла слова, и её голос звучал твёрдо и властно:

— Кто здесь? Выходи. Тебе не спрятаться от меня.

Он знал, что его маскировка не сработала. Сад выдал его. И теперь у него был выбор: бежать или встретиться с ней лицом к лицу. Он выбрал второе. Он сбросил свою тень, и тьма рассеялась, открывая его.

Она смотрела на него, и в её глазах он увидел смесь страха и удивления. Он видел, как её дыхание перехватило, когда она увидела его лицо. И это удивление было таким искренним, что Кайр почти поверил, что она действительно видит его — не как врага, не как вора, а как человека.

— Кто ты? — спросила она, и её голос дрогнул.

Он шагнул вперёд. Он сказал своё имя. Он сказал, что пришёл за плодом. И когда он увидел, как её лицо побледнело, как в её глазах мелькнула боль, он вдруг почувствовал укол совести — странный, забытый, почти незнакомый. Она не хотела его убивать. Она хотела его остановить, но не из ненависти. Из страха. За сад. За него. За себя.

Он видел, как она протянула руку, чтобы остановить его, и как она упала. И тогда что-то внутри него сломалось. Все его планы, все его расчёты — они растворились в одном единственном желании: не дать ей упасть. Он протянул ей руку, и их пальцы встретились.

В этот момент мир перевернулся. Магия сада хлынула через его пальцы, как поток расплавленного золота, и он перестал быть просто вором, просто оружием тьмы. Он стал частью чего-то большего. Он увидел видения — их двоих, вместе, в мире, который не знал ни света, ни тьмы. Он видел её улыбку, обращённую только к нему, и её руки, глядящие его по лицу. Он видел, как она смеётся, и её смех звучит как музыка, которую он слышал когда-то во сне, в той далёкой жизни, которую он почти забыл.

Когда видение исчезло, он стоял, сжимая её руку, и чувствовал, как её сердце бьётся в унисон с его. Её глаза были мокрыми от слёз, и он понял, что она видела то же самое. Она тоже хотела этого. Она тоже хотела его.

— Что это было? — прошептал он, и в его голосе не было прежней уверенности. Был только вопрос, обращённый к ней и к самому себе.

Она покачала головой, но прежде чем она успела ответить, небо потемнело. Гром, который не был громом, прокатился по саду, и голос богини, холодный и безжалостный, произнёс слова осуждения.

Кайр почувствовал, как его тело пронзила дрожь. Он знал этот голос — он слышал его в древних пророчествах, которые шептал Морок. Это был голос закона. Неумолимого, как сама вечность.

— Ты нарушил закон, — прозвучало над ними, и Кайр понял, что эти слова относятся не только к Лиаре, но и к нему.

Он сжал её руку сильнее. В его груди поднималась ярость — не против неё, не против сада, а против тьмы, которая загнала его в эту ловушку. Он не хотел этого. Он не хотел приносить беду в этот мир, в этот сад, к этой женщине. И теперь, когда он понял, что она значит для него — даже если это случилось всего лишь мгновение назад, — он поклялся себе, что не позволит ей пострадать из-за него.

— Мы справимся, — прошептал он. — Я обещаю тебе.

Она улыбнулась ему — той улыбкой, которую он видел в видении, — и он понял, что это не просто обещание. Это клятва. Более крепкая, чем все клятвы, которые он давал тьме.

Но когда мир рухнул, и реальность начала трещать по швам, Кайр понял, что его клятва будет стоять ему всего. Всего, что у него было. Его силы, его свободы, его жизни. Но глядя в глаза Лиары, он знал: он не отступит. Даже если это будет стоять ему вечности.

Глава 3. Прикосновение запретного

Мир рухн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.